

мастера искусств о себе

Иван ПЕРЕВЕРЗЕВ,

народный артист СССР,
лауреат Государственной премии СССРПо морю
жизни

Когда эта статья готовилась к печати, поступило печальное известие — Иван Федорович Переверзев скоропостижно скончался на шестьдесят четвертом году жизни. Эта публикация, одна из последних статей И. Ф. Переверзева, где он рассказывает о своей судьбе, о своем творчестве, о своем отношении к искусству, — дань памяти известному советскому артисту.

Иван Федорович ПЕРЕВЕРЗЕВ.

В ЮНОСТИ собирался плавать по морям-океанам, чуть было не поступил в Ленинградское мореходное училище, да не случилось. Позже, став киноактером, переиграл моряков буквально всех рангов и должностей — от «Ивана Никулина — русского матроса» до «полного адмирала» Федора Федоровича Ушакова. Так что морскую службу, считаю, прошел полностью, хоть и в кинематографе.

...Родился я на Орловщине, в небольшой деревеньке Кузьминки, в очень бедной семье. Рос полусиротой: отец погиб в первую мировую войну, и «подымала» меня без чьей-либо помощи мама — неграмотная, но удивительно добрая и трудолюбивая женщина. Ни о театре, ни о кинематографе не имел никакого представления. Время было тяжелое, голодное, и, закончив в городе Болхове семилетку, подался я в Москву, к тетке. Закончил ремесленное училище, стал работать слесарем-наладчиком на Первом подшипниковом заводе.

Был застенчив, робок, оттого никогда не участвовал в самодеятельности, считал эту «сферу» недостижимой, хотя тайно уже мечтал об актерстве. Дружил в ту пору с одним парнем. Как-то потащил он меня «за компанию»... сдавать экзамены. В ГИТИС меня не приняли, в театр Мейерхольда хотели было взять, но посчитали очень уж молодым. Оставалась студия при Театре Революции. Решил: поступлю — актер, нет — уйду в мореходку. Приняли. Закончил студию, сыграл в дипломном спектакле «Два веронца» Валентина, и меня оставили в театре.

Меня утвердили на главную роль в одной картине белорусской киностудии. Приехали мы в Одессу, но через месяц съемки пришлось прекратить. В то же время в Одессу приехала другая съемочная группа из Минска во главе с известным режиссером Корш-Саблинским снимать фильм «Моя любовь». Приехали... без исполнителя одной из центральных ролей. Меня тут же, без проб, утвердили. В этой картине было сразу два дебюта: мой и Л. Н. Смирновой. Откровенно говоря, чувствовал себя в том дебюте абсолютно беспомощным, и ничего тут удивительного: я не только кино, театра-то еще толком не знал. Зрителям картина понравилась, а мне как актеру она, что называется, «ни уму, ни сердцу».

Началом своей серьезной работы в кино считаю участие в фильме «Парень из тайги». Режиссеры О. И. Преображенская и И. К. Праща, пригласившие меня на роль Степана Потанина, были очень внимательны к молодому, начинающему актеру, помогли не только постичь сложный характер Степана, но и не растеряться в совершенно блистательном ансамбле исполнителей. В. Гардин, А. Чебан, П. Герага, Р. Плятт, М. Державин. Какие имена! И все искренне помогли молодому брату. Здесь я впервые узнал цену актерскому братству, а главное — прошел настоящую киношколу. Для каждой сцены все тщательно отбиралось, режиссеры, казалось, не слушали, о чем говорит Степан, им важно было, как он смотрит, что в нем происходит. Сейчас, помоему, на экране слышим много говорят, не успеваешь понять, что чувствует говорящий, что происходит между ним и его партнером — то есть самое важное. Да и... не кинематограф это. Сценарий — не пьеса, а совершенно другая драматургия.

На картине «Парень из тайги» я навсегда влюбился в кинематограф.

Съемки в фильме «Морской ястреб» прервала Отечественная война. Помню, очень быстро были перекрыты все сухопутные пути возвращения в Москву, оставался лишь морской путь, но и он не гарантирован. Трижды выходили мы из одесского порта

и трижды возвращались. Тяжело было видеть драматические сцены прощания. На корабле люди хмурились, молчали, кто-то и вовсе не надеялся выбраться из Одессы. И был тут человек, который своим оптимизмом, шутками вызывал улыбки у пассажиров. Он появлялся неожиданно, и сразу вокруг него создавалась группа. Никто не знал, что происходило в душе этого человека, чего стоили ему шутки, помогающие другим как-то успокоиться, поверить в благополучный исход.

Это был Юрий Карлович Олеша.

Мы, актеры, решили, что доносить фильм не имеет смысла, не время, надо идти на фронт, но наш консультант контрадмирал Жуков держался иного мнения: теперь-то доснять фильм и показать его зрителям очень важно. В Ташкенте картину закончили, кое-что перемонтировали таким образом, что происходящие в жизни события стали действием фильма.

В 1942 году М. И. Ромм создал в Ташкенте театр-студию киноактера и поставил спектакль «Без вины виноватые». Я играл Незнамова. Многим тогда показался странным выбор пьесы: мол, идет война, до сантиментов ли? Но Ромм увидел, почувствовал в пьесе А. Н. Островского созвучность одной из проблем именно военного времени. Проблема потерянных детей, сирот. Сколько их тогда прибывало в Среднюю Азию — и не счесть. Местные жители — русские, узбеки, таджики, киргизы — брали детей в свои семьи, помогали устроиться, обрести поистине второй родной дом. Драматург Незнамова зрители воспринимали как свою собственную, как драму многих и многих мальчишек и девочек.

Позже, организовав с Д. Сагалом концертную бригаду, отправился на Брянский фронт. Не знаю, насколько смог я выполнить в те годы свою миссию актера, но именно в военную пору я очень многого понял в значении искусства.

В 1946 году снялся в фильме «Первая перчатка» в роли боксера Никиты Крутикова. Трени-

ровался четыре месяца. «Противником» моим на экране был настоящий спортсмен — чемпион страны по боксу Анатолий Степанов. Тогда-то я и открыл для себя этот прекрасный вид спорта. Бокс — не драка, а собранные воедино ум, воля, расчет, стратегия спортсмена.

«Первая перчатка» была второй по счету комедией, в которой мне довелось играть... некомедийную роль. Однажды закрепленное амплу «социальный герой» делало свое дело: режиссеры не решались приглашать меня на комедийные роли. Переубедить их оказалось совершенно невозможно. Однажды я попытался более активно повлиять на режиссеров: в комедийном ключе сыграл купца Молокова в ленте «Во власти золота». Попытку сочли удачной, я воспрянул духом, стал ждать. До сих пор жду...

Прожито в кинематографе почти сорок лет, сыграно много ролей. Какие-то из них пришли и ушли, как будто их и не было. Остались в памяти, в сердце герои, которых отличало главное — человеческая значительность. Помню, как радовался и волновался, работая с М. И. Роммом над ролью Федора Федоровича Ушакова в диллии «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы». Волнение — от сопереживания с такой сложной и трагической фигурой в русской истории, как «владелец Черного моря» (так называли адмирала англичане), и от новой встречи с удивительным режиссером, добрейшим человеком. Михаил Ильич искренне любил нашу актерскую братию и, бывало, в экспедициях отказывался от каких-либо привилегий, всегда жил «дверь в дверь» с актерами, чтобы в любую минуту поговорить и о роли, и о житейских делах.

Я всегда с любовью думаю и о Ю. Я. Райзмане, с которым встречался как исполнитель главной роли картины «Урок жизни» и в других фильмах. Совершенно убежден, что ему нет равных в работе с актерами. Кружева плетет. Райзман — академия для актера. Или И. Савченко, с которым познакомился и навсегда подружился на кар-

тине «Иван Никулин — русский матрос».

И раз уж я заговорил о людях, с которыми меня связывали судьба и дружба, то как не назвать Н. А. Крючкова, Б. Ф. Андреева, М. Н. Бернеса, П. М. Алейникова! Как не назвать одного из старших наших киноактеров, которого люблю за доброту и талант буквально с первого дня знакомства, — Эммануила Савельевича Геллера, ему в этом году исполняется 80 лет. Добрые дружеские чувства связывают меня с рабочими, спортсменами (после «Первой перчатки» специалисты порекомендовали мне заняться боксом), литераторами, космонавтами.

С экраном связана вся моя жизнь, и поэтому многое меня настораживает в сегодняшнем нашем кинематографе. Слишком часто в нем стали «выражать себя», а не время, будь то современность или история. Берут для «выражения себя», не больше ни меньше, классику. Достоинство культуры. Берут, не успев созреть для этого ни как художники, ни граждански. И появляется на экране бутафория, нечто сделанное «под» — под время, под характеры, под стиль.

Сегодня кинематограф часто, на мой взгляд, лишен метафор, образности. Из кино все больше уходит эмоция, появляются какие-то очень рациональные, «стерилизованные» герои, которые много ходят, курят и «переживают». А о чем — дорогой зритель, будь любезен, догадайся сам. Обращаются — часто неумело — к разуму, хотя с древних времен известно, что путь к зрителю лежит прежде всего через его сердце.

Ведь было же! На «Чапаева» стояли в километровых очередях! На экран буквально ворвался Петр I — Николай Симонов! Черкасовский Иван Грозный, его глаза, его интонация — поражали! А Дубровский Бориса Ливанова! А комедии Г. Александрова, И. Пырьева!.. В кинематографе больше, быть может, чем в каком-либо другом искусстве, надо уходить от ставшего ныне популярным стиля «под сурдинку», ибо искусство кино обращено к огромным массам. Слово какие-то одиночки, не затопленные серостью, посредством островки, появляются на экране яркие, страстные фильмы Евгения Матвеева, искрометные, полные жизнерадостности и оптимизма комедии Г. Даниеля, продолжающего и развивающего лучшие традиции советской комедии 30-х и 40-х годов. Я бы мог привести и другие примеры, и они бы поместились на половине страницы. И это тогда, когда один «Мосфильм», не считая других студий, выпускает больше ста картин в год!

В 30-е годы наши фильмы сделанные допотопной техникой, бивали на международных фестивалях хваляные зарубежные боевики. Почему? Потому что в них светилась красота — красота Времени и Человека. А сейчас? Такие дела народ совершает, а на экране в основном частные случаи, почти никаких социальных обобщений, размышлений о времени, о себе в нем. Обидно. И не только за тех, кто живет и трудится рядом, но и за своих коллег, актеров, людей в большинстве своем талантливых, способных выразить Время, показать лучшее, что есть в нашем народе. Увы, часто несовершенная, художественно и социально незрелая кинодраматургия непонятно каким образом пробивает себе путь на экран. Я не спущаю краски. Более того, я настроен оптимистично, уверен, что скоро серой драматургии «покажут на дверь».

Мне могут сказать: «А сами вы, Иван Федорович, не мало ли сыграли ролей, которых и след простыл — и в вашей памяти, и в памяти зрителей?» Много. И от этого страдал...

В юности собирался плавать по морям-океанам... Шестидесять три года плыть по огромному морю Жизни. Море это бесконечно, а силы человеческие, увы, имеют предел. Но, пока они есть, надо отдать их жизни, людям. В этом — назначение человека.